

ДИСКУССИИ В ДИСЦИПЛИНЕ: С «ВОСТОКА» НА «ЗАПАД»

*Проект новой гендерной антропологии Джудит Батлер:
возможности применения сегодня*

Екатерина Наумова

Однажды у Моник Виттиг спросили,
имеет ли она влагалище, она сказала, нет!
(сведения с лекции *Vassar College*).¹

Если кого-нибудь избивали когда-то до полусмерти, то она/он знает, что это такое. Если кого-нибудь облили серной кислотой, то она/он этого дважды, наверное, не переживет. Если однажды приняться разбивать социальное лицо гендеру, то сложно будет остановиться, так как можно оказаться, используя термин Кристевой, – субъектом-в-процессе: деятелем/делателем, который не существует ни “до”, ни “после”, ни “во время” действия. Но если это «лицо гендера», возможно, только такое оно нам и нужно сегодня – никогда не застывающее во времени, лишённое сущностных онтологических характеристик, определенности, различий, пола, расы, любой «естественной» формы? И тогда бить придется до тех пор, пока лица не станет, пока оно не будет *становиться* неразличимым.

Мне кажется, такова позиция актуального западного феминизма на сегодняшний день. Можем ли мы говорить здесь об агрессии? При одном обязательном условии – это агрессия, обращенная на *себя*.

Феминизм Джудит Батлер – критическая позиция, сформировавшаяся в результате наложения нескольких традиций в сфере гуманитарного знания:

философии (этика Спинозы, диалектическая феноменология Гегеля-Кожева, концепция субъективности Фуко, теория интерпелляции Альтюссера, постструктурализм Деррида), психоанализа и критики классической феминистской теории. Тем не менее, желание отнести Батлер к конкретному направлению было бы в какой-то мере предательством смысла ее творчества, властным актом присвоения, ведь Батлер воплощает скорее феноменологически-диалектическую аналитику отсутствующей субъективности: не быть тем, что *есть*, а быть, тем, что *не есть*. Если задаться вопросом «где Джудит Батлер?», мы обнаружим, что она всегда окажется *там*, где не ожидаешь ее найти, и *той*, кем не предполагаешь ее помыслить.

Развивает ли гендерная теория Батлер новую политическую антропологию? Проблематизируя понятия признания, нормы, перформации, «приемлемой» жизни как жизнеспособности, власти, насилия, свободы, идентичности, Батлер ставит под вопрос категорию «человека»: ведь сама возможность задать вопрос «кто?», по мнению Батлер, сигнализирует, что понятие «человек» уже более чем превысило любые определения. Переосмысление фиксированных значений и условий принадлежности к «человеческому» через объединение ученых и активистов в осмыслении таких проблем, как структура родства (новые понятия «материнства» и «отцовства»), гетеро- и гомосексуальных пассионарных привязанностей), лесби/гей браки (сперматозоид и яйцеклетка не являются родителями), доступ к репродуктивным технологиям (хирургическое вмешательство в тело, пластические операции по смене пола, силиконовая революция), желание признания как непоколебимость, борьба за права и свободы как эффект телесной уязвимости, проблема Другого как наслаждающегося (например, террориста) и связанная с этим агрессия под страхом перманентной угрозы жизни приводят Батлер к радикальному пересмотру феминизма и гендерной теории.

Прошлое тело феминизма

В работе *Undoing gender* Батлер утверждает, что у феминизма нет прошлого: наррация феминизма не подчиняется пересказу, так как ни одна из историй феминизма не является прошлой. Нет единой истории феминизма еще и потому, что мы имеем дело с множественностью. Более того, истории феминизма продолжают осуществляться одновременно на пересечении путей наших рассказов о них. Зачастую они актуализируются, обретают форму, которая никогда не исчерпывает суть. Другими словами, только утрата (например, история, которую мы, феминистки, не можем вспомнить, так как, по Батлер, «наши» тела нам не принадлежат, поскольку не являются полностью «нашими») выступает необходимым условием наррации; именно из точки невозможной утраты можно

помыслить феминизм как тело «психики власти». Именно психический аппарат, считает Батлер, принуждает «работать» феминизм и его истории.

Если обратиться к работе Фрейда «Вытеснение» (1915г)² и вспомнить, что первовытесненными всегда оказываются источники влечения, вызывающие раздражение и неудовольствия, то есть представления, связанные с неэрогенными зонами тела, мы можем, очевидно, говорить о властном разграничении сфер удовольствия и неудовольствия, вписанных в тело таким образом, когда последнее призвано получать удовольствие. Тело репрессированного субъекта в таком случае оказывается вполне функциональным – получающим удовольствие через утрату избыточного наслаждения, которое переживается всей его поверхностью как оргазмический аффект. Такое наслаждение функционирует как невозможное, так как его переживание носит смертоносный характер. Именно понятие «психики власти» Батлер описывает ту власть, которая производит нормативность как получение удовольствия и избегание неудовольствия как бессознательные жизненные стратегии.

Если конструкцию производства телесности как эффекта первовытеснения применить и к телу феминизмов, которое невозможно схватить в истории, символизировать и заархивировать в фактичности, не обнаружим ли мы тогда, что это тело пресытилось своей нормативной эрогенностью и оказалось в той ситуации, когда привычные способы получения удовольствия его больше не удовлетворяют, да и само удовольствие как цель утратило смысл? Не можем ли мы утверждать, что феминизмы как история, творимая здесь-и-сейчас, не имея единой версии происхождения, для упрощения придумывает первопричины, которые они не могут помнить и знать – так же, как не могут помнить свое первовытесненное? Феминизм одновременно и больше, и меньше, чем он есть – его ровно столько, сколько историй о нем мы можем рассказать. Кроме того, поскольку первовытесненное случайно, повторение как реконструкция случайности в процессе историзации невозможно. Не можем ли мы предположить, что феминизмы, желая историзации, на самом деле желают знать пределы своего признания, испытывая тем самым пределы авторитарного знания в условиях отсутствующего адресата как предполагаемого места слушателя? Только в такой ситуации существует возможность реконструкции прошлого.

Какова же история феминизма, рассказываемая Джудит Батлер? В книге *Undoing gender* Батлер говорит, что нет такой истории, которая рассказывала бы нам о развитии феминизма, например, к квир-, а затем и транс-интер-гендерной теории, так как в любой из этих историй «нет логически необходимой причины для идентификации».³ В книге *Гендерная тревога* она более подробно развивает свою мысль через раскрытие противоречивости понятий политика и репрезентация. Политическая и языковая репрезентация представляют собой нормы соответствия, которые всегда уже связаны с понятием субъекта. В результате воз-

никает политическая проблема: «женщина» как объект исследования феминизма представляет собой властное дискурсивное образование политик репрезентации. Мы имеем дело с ситуацией, когда феминизм эмансипирует дискурсивный «выкидыш» – «женщину» как искусственно созданное понятие в политической системе. Тогда возникают вопросы: о какой эмансипации идет речь и за что мы, собственно, боремся? Понятие «женщина» как легитимированный дискурсивный «выкидыш» в практиках политических репрезентаций функционирует через акт исключения как сокрытия, что указывает на отсутствие женщины там, где предполагается ее присутствие. Само понятие «женщина» не может играть функцию устойчивого означающего, да и устойчивых означающих нет: ведь цепочки означающих – это подвижное метонимическое скольжение, лишенное всякой определенности, что и есть причина гендерной тревоги Батлер. Поэтому Батлер формулирует парадоксальное: пытаюсь говорить о женском, феминизм «выговаривает» мужское. В результате мы имеем своеобразный феминизм «под прикрытием», который под видом отстаивания прав женщин сконструировал теорию патриархатного господства, из чего вывел всеобщий опыт женского подчинения, с которым необходимо бороться.

Я не могу дальше пересказывать истории феминизма Батлер, пока не выскажу одно недовольство в отношении не только критики патриархата, но и в отношении критики фаллоцентризма как мифической конструкции, с которой феминизмы пытаются спорить. Именно эта конструкция показывает, что феминизм конституируется в ситуации необходимости создания внешнего врага, которого следует **разоблачать, обвинять, критиковать и, пользуясь его же понятиями, грубо** спекулировать ими. Уже давно известно, что Фаллоса не существует,⁴ фаллос – это то, что случается между людьми, он функционирует как способ причастности меня к другому; не важно какой/ого меня и к какой/ому другому, быть может, и к другим; при этом я никогда не я, мы просто в ситуации здесь-и-сейчас имеем друг друга ввиду. И все-таки двум представительницам квир-теории Терезе де Лауретис и Элизабет Гросс я хотела бы отдать дань, поскольку, на мой взгляд, через критику психоанализа они как раз и проговаривают его суть. Ведь только ведение речи из места незнания и делает возможным психоанализ. Поэтому Тереза де Лауретис и Элизабет Гросс – представительницы наиболее актуального феминизма сегодня: феминизма, который сам себя не знает. Мне остается лишь повторить идею Батлер о том, что «история» феминизма – это всегда истории-здесь-и-сейчас, рассказанные как возможные толкования и понимания, но никогда не претендующие на завершенность, структурированность и окончательную высказанность. Скорее, гендерная теория через истории феминизмов рассказывает о *себе*, не отдавая в этом отчета.⁵

«Не-вменяемость» гендера

Батлер является актуальным критиком западной культуры, а именно – капитализма. Само капиталистическое общество как оплот нормативности – мишень для критики Батлер, а гендер – место, откуда возможна речь и действие сопротивления в условиях господства дискурсов власти. Жак Лакан в 17 семинаре “Оборотная сторона психоанализа” говорит нам о Дискурсе без речи, указывая на то, что дискурс сохраняется в “определенного рода устойчивых отношениях”.⁶ Продолжая мысль Лакана, Батлер в *Undoing gender* указывает на то, что властный дискурс в различных его проявлениях представляет ложные формы универсализма, обслуживающие молчаливый культурный империализм. Дискурс можно понять как способ, с помощью которого субъект оказывается представлен другому, тем самым устанавливая социальные узы intersубъективных отношений. Лакан в 17 семинаре (1969-1970) анализирует 4 типа дискурсов: Господский, Университетский, Истерический и Психоаналитический. Немного позднее, в 1972 на выступлении в Миланском Университете, Лакан говорит о Капиталистическом дискурсе. Все эти дискурсы – своеобразные социальные матрицы, где место расщепленного субъекта (\$) предзадано самой структурой. При этом дискурс все же оказывается подвижным, так как он функционирует за счет пустого места, которое оборачивается дырой, в которую, оказываясь в нем, субъект неизменно проваливается. Таким образом, дискурс является незамкнутой системой, а субъект находит себя как субъект-в-процессе, то есть как место, через которое тот или иной дискурс представляется/перформируется. В результате субъект, являясь представителем того или иного дискурса, оказывается агентом, то есть тем, кто действует по принуждению. Статус агента указывает на то, что он является двойным, и это – в лучшем случае.

Через разбор и тематизацию дискурсов Лакан обнажает механизмы работы власти, показывая, как власть устроена. Решающим здесь является тезис о власти как «пустом месте», занимаемом психоаналитиком, в отношении которого и оказывается возможен перенос как практика любви, как психика власти. Из этого ли «пустого места» говорит Лакан на 17 семинаре, глядя на *себя* со стороны? Но что это за сторона, откуда можно увидеть себя – сторона *вне-себя*?

Ответы на все эти вопросы можно попытаться найти в гендерной теории Батлер. Однако для этого я предлагаю отказаться от позиции, позволяющей нам «ухватить» истину «гендера», разобраться в том, что такое гендер и пр. А исходить из того, что гендер существует для того, чтобы проявлять/прояснять вопросы политики, культуры, искусства, научного знания. То есть, не гендер – проблема в политике, а политика – проблема для гендера, не гендер – проблема, например, в биологии, а биология – проблема для гендера, не гендер – проблема в социологии/психологии/истории, а социология/психология/история и другие социальные науки – проблема для гендера. В этом контексте гендер, на мой взгляд,

призван обнажать *воображаемую функцию господства*, которая «сотворяет субъектов из всех нас». И тут я хотела бы вспомнить лакановскую стадию зеркала, парадокс которой состоит в том, что ребенок признает себя за другого: только через акт идентификации с другим возникает чувство владения собой, пребывания в-себе, нахождение своего места. На символически-воображаемых перекрестках я существую, только если признан Другим: только если я обозначен, помечен, идентифицирован, тогда я включен в социальную практику, то есть живу. Однако ситуация признания оказывается воображаемой, так как тот самый другой/Другой, в глазах которого «обнаруживается» признание – это я и есть. И единственное признание, которое возможно – это признание другого/Другого в-себе как видимого и слышимого. На мой взгляд, это и есть место гендера – место пребывания уже всегда «вне-себя», вне символически-воображаемого господства. Только так, на мой взгляд, можно остановить машину признания.

В *Undoing gender* Батлер, размышляя об экстазе, пишет о возможностях эк-статического гендерного сообщества. Гендер, по ее мнению, предполагает ситуацию всегда уже бытия вне-себя, означающего, что нет никакого изначально предзаданного “себя” (*oneself*). В состоянии экстаза есть только “мы” (*ourselves*), живущие вне-себя. И здесь я хотела бы применить специальное батлеровское понятие – «невменяемость», значащее лишь то, что мы не вменяем друг другу ничего. В этом смысле “мы” утрачены друг для друга: единственное, что нас связывает, это переживание утраты, то есть меланхолия, которая невидима. И именно в месте меланхолии возможно уйти от воображаемого «собственного я» (*moi*) и символического «я» (*je*) и быть «мы». Только здесь функция признания, наконец, «не работает»: в меланхолии «мы» не хотим быть видимы как «я». Не случайно фрейдовское *trauer* в названии его известной работы «Траур и меланхолия» переводится именно как «траур», а не скорбь, например: если меланхолия невидима, то траур всегда инсценирован.

Что имеет в виду Батлер, говоря нам о невменяемом меланхолическом «мы» как возможном гендерном сообществе? Она полагает, что именно из этого места может стать видимой учреждающая нас социальная нормативность/власть: как перформации гендера, как разыгрывания мужественности и женственности в публичной артикуляции половой принадлежности. Ведь гендер перформативен только в рамках мужского и женского: даже трансвестит – всегда мужчина/женщина, переодетая/ый и пародирующая/ий женщину/мужчину. Перформативность – слаженная подборка действий в бинарной структуре ж/м, которая повторяется в своем единообразии. Трансвеститы лишь повторяют ту же логику в комической форме, предъявляя существующий абсурд социальности ей самой; это телесно-маскарадное воплощение структуры бинарного гендера, которое социальное воспринимает как шоу, не видя в нем *себя*. Отсюда место трансвеститов в основном в сфере приватного – лесби/гей клубы, закрытые, в том числе «олигархические», вечеринки и т.п.

О человеке и его правах

Как в этом контексте Батлер определяет место «человека» и «человеческого»? Человек, по ее мнению, – тот тот, кто имеет права или борется за правообладание. Автономия, безопасность, защита прав и свобод связаны у Батлер с репрезентацией тела в общественном пространстве в ситуации, когда тело всегда уже «выставлено» для другого в своей уязвимости, обнажая возможность насилия со стороны другого и свидетельствуя об опасности для жизни. Быть телом – и значит быть отданным другому, потому автономия и оказывается так необходима. Тело – публичный феномен, который принадлежит и не принадлежит субъекту одновременно, будучи частично утраченным в своей уязвимости, а потому и облаченным в траур. Парадокс для Батлер состоит в том, что тело «выставлено» в своей уязвимости другому еще до всякого «я», то есть до человека. Нормой при этом является не просто желание быть признанным, но признанным в качестве *очеловечивающего* желания: само признание функционирует как очеловечивающее желание, на чем спекулируют сегодня все властные институции. Это самое ужасное, чего можно желать, так как само желание признания как желание желания – неосуществимый проект.

В книге *Undoing gender*, помня о концепции признания Гегеля-Кожева (желание – это желание желания) и этической максиме Лакана (упорствуй, не изменяй своему желанию, которое есть желание Другого), Батлер производит гибридное политическое суждение: желание – это желание сохраниться, упорствовать в бытии в качестве признанного, продиктованное нормативностью, которая исключает возможность существования эк-статического вне-себя бытия. Желание сохраниться, упорствовать в собственном бытии – это и есть, по мнению Батлер, борьба за права. Поэтому бороться за права человека – это изо всех сил пытаться «представляться» человеком. И когда кто-либо борется, например, за сексуальные права, то здесь речь не ведется о правах, имеющих отношение к нашему желанию: мы говорим о нормах, в контексте и в соответствии с которыми реализуется индивидуальность. В результате дискурс о правах – это открытое заявление зависимости от другого/Другого. Именно поэтому Батлер критикует лесби/гей/транс/женские движения, выступающие за свободу прав: по ее мнению, позиционирующие себя как практики сопротивления властным нормативам, они борются за вписывание себя в структуру – за невозможное и ненужное признание.

Нормой при этом оказывается гендер, когда институционализированный гендер оказывается натурализованной реализацией пола. Но если мои желания омерзительны и тошнотворны, пишет Батлер, это прямое свидетельство тому, что я никогда не выбирала тот социальный мир, который меня конституирует. И возможность моего действия в этом мире исходит из парадокса несовпадения того, чем я являюсь, и чем я должна/ен являться. Только являясь деятелем в-процессе

жизни в постоянном несовпадении с предустановленными рамками, субъект действует. И если «я» находит себя всегда уже в ситуации конституированности и зависимости от норм, но при этом пытается жить способами, которые поддерживают критическое и трансформирующее воздействие на них, то именно жизнь, сам способ жизни возможны как критическое действие.

Основной парадокс, который отмечает здесь Батлер, что установки, иницирующие акты присуждения «человечности», одновременно лишают возможности достижения этого статуса других людей, проводя различия между человеком и *less-than-human*. Здесь мы сталкиваемся и с парадоксами угнетенных меньшинств:⁷ ведь быть признанным означает иметь определенность – расовую, классовую, сексуальную, половую и т.д. В результате схемы признания уничтожают того, кто признан, но уничтожают и того, кому отказано в признании. Именно признание оказывается у Батлер местом власти, из которого производятся различия человеческого и недочеловеческого. Это значит, что в какой степени желание вовлечено в социальную нормативность, в такой степени оно связано с вопросами власти как распознаваемости «человеческого» в человеке или отказе в этом распознавании из-за невозможности нормативной идентификации.

Поэтому Батлер задается вопросами: определившись с гендером, буду ли я идентифицирована с понятием «человек»? Или, может, понятие «человек» расширится настолько, что появится возможность в него включиться? Если я стану желать определенным образом, буду ли я в состоянии жить? Будет ли место для *моей* жизни, или я буду распознаваема/видима в своем бытии относительно того, от кого я завишу, то есть другого/Другого?

При ответе на эти вопросы Батлер предлагает нам проект новой гендерной антропологии через концепт эк-статического меланхолийного сообщества. Она критикует процесс идентификации как возвратное действие: ты возвращаешь себе свой собственный идеализированный образ в бесконечной череде идентификаций, так как не можешь осознать его изначальную утраченность, смириться с возможностью жить в ситуации необладания им. Через присвоение как мнимое обладание образом ты желаешь быть видимым для другого/Другого, но остаешься в радикальной слепоте по отношению к себе. В такой роли гендер служит производству симптоматической телесности. Поэтому в книге *Undoing gender* Батлер пишет о том, что проблематизация гендера возможна только в причастности к феномену меланхолии, которая рассматривается не как феномен культуры, связанный с непризнанной утратой, а как место принятия утраты, из которого видна работа властных механизмов и возможны речь, действие, изображение. Именно меланхолия, считает Батлер, «выбрасывает» нас из собственных тел и делает причастными экстатическому бытию вне-себя как совместности «мы». При этом меланхолийное «мы» есть утраченность «мы» как устойчивой общности и единства: это не то «мы», которое мы привыкли знать. Из места меланхолийного гендерного сообщества как пребывания вне-себя видно, что нет ни *себя*, ни *я*,

а есть только «мы», утраченные друг для друга, но принадлежность к утрате и сотворяет совместность всех нас. И гендерная теория как раз и призвана показать и проблематизировать изначальную непринадлежность *себе*, постоянный процесс утраты *себя* как невозможную спасительную идентификацию. Гендерная теория способна научить нас жить в постоянной ситуации утраты и не страдать от этого. Осознавать себя как утраченного – значит понимать, что обладание невозможно. Необладание собой как раз и задает позицию «не-вменяемости» в отношениях с другим: ведь если мы не стремимся обладать другими, обладать его желаниями, мы не стремимся к признанию, не имеем желания «вменять» что-то другому и не желаем, чтобы другой «вменял» что-то нам. Таким образом, проект меланхолийного гендерного сообщества Батлер предполагает разработку новых стратегий общения через переосмысление человека как подвижной, становящейся, живой перспективы переизобретения. Это не место тотального безразличия ко всему, а, наоборот, точка предельной собранности, действия и жизни в состоянии здесь-и-сейчас. Субъект не загнан в тоталитарные рамки акта высказывания, который всегда ограничивает движение речи: ведь только в-процессе-утраты, вне-себя и разворачивается возможность держать речь, действовать, творить и жить. Это место, где постоянно переизобретается гендер, что дает возможность развернуть новые стратегии политических требований, которые исходят из мест лишения прав собственности и обладания, а не от *собственного лица*.

-
- 1 *Антология гендерной теории* (М.: ПроPILEI, 2000), с. 345.
 - 2 Зигмунд Фрейд, *Психология бессознательного* (М.: Фирма СТД, 2006), с. 111-129.
 - 3 Джудит Батлер, *Психика власти* (СПб.: Алетея, 2002), с.125
 - 4 См. Ирина Жеребкина, *Гендерные 90-е, или Фаллоса не существует* (СПб.: Алетея, 2003).
 - 5 См. Джудит Батлер, «Отдавая отчет о себе», *Гендерные исследования*, №17, 2008, с.104-119
 - 6 Жак Лакан, *Изнанка психоанализа* (М.: Гнозис/Логос, 2008), с. 9
 - 7 Judith Butler, *Undoing Gender* (BR.: Routledge, 2004), p. 38